

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-105-127
УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Пономарева И.В., Климова М.О., Сизова Я.Н.

Актуальность. Интеграция современного человека в контекст стремительных изменений и ускоряющегося темпа жизни обеспечивается наличием у него индивидуальных ресурсов: способности регулировать (контролировать) свое поведение, решать жизненные задачи и преодолевать трудности.

Целью данной статьи является установление характера соотношения контроля поведения и личностной беспомощности.

Методологией исследования выступают концепции контроля поведения и личностной беспомощности.

Результаты. В ходе исследования обнаружены теоретические предпосылки, указывающие на соотношение контроля поведения и личностной беспомощности как структур субъекта и личности. Личностная беспомощность задает особую реализацию субъектности, мерой которой выступает степень активности и саморегуляции. Личностная беспомощность связана с уровнем развития контроля поведения и его индивидуальными характеристиками.

Выводы. Личностная беспомощность, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, обуславливает особенности индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта, в том числе контроль поведения. Учитывая психологическую природу личностной беспомощности, эффективность контроля поведения может быть снижена, реализация психических ресурсов для решения жизненных задач будет затруднена.

Ключевые слова: психология субъекта; регулятивная функция субъекта; личностная беспомощность; контроль поведения.

THEORETICAL RESEARCH OF THE REGULATIVE FUNCTION OF A SUBJECT WITH PERSONAL HELPLESSNESS

Ponomareva I.V., Klimova M.O., Sizova Y.N.

Relevance. *Integration of a modern person into the context of rapid changes and life acceleration is ensured by his individual resources: the ability to regulate (control) personal behavior, complete life tasks and overcome difficulties.*

The aim of this article is to specify the character of relationship between behavior control and personal helplessness.

The methodology of this research contains the concepts of behavior control and personal helplessness.

Results. *This study revealed theoretical prerequisites indicating a correlation between behavior control and personal helplessness as structures of a subject and personality. Personal helplessness leads to a special realization of personal agency, the measure for which is the degree of activity and self-regulation. Personal helplessness correlates with level of behavior control development and its individual characteristics.*

Summary. *Being a system quality that unites peculiarities of cognitive, motivational, emotional and volitional spheres of a person, helplessness determines peculiarities of individual resources, on the basis of which behavior of a subject is controlled and regulated. Taking into consideration the psychological nature of personal helplessness, behavior control may become less effective; usage of psychological resources in order to complete life tasks will become complicated in this case.*

Keywords: *psychology of a subject; regulative function of a subject; personal helplessness; behavior control.*

Введение

Государственные программы модернизации экономики и социальной сферы требуют не только финансовых инвестиций, но и психологической готовности людей к изменениям, включенности в инновационный процесс. Многообещающие проекты теряют эффективность по психологическим причинам: существует категория людей, которые предпочитают оставаться пассивными, избегают любых рисков, пасуют при возникновении трудностей, проявляют равнодушие вместо инициативы, легко впадают в уныние и даже депрессию. Пессимистические ожидания людей относительно нововведений оказываются препятствием для развития в экономической, социальной, политической сферах, тогда как оптимизм является важнейшей психологической составляющей инновационной деятельности.

Стремительные изменения, ускоряющийся темп жизни делают актуальной проблему исследования способности человека регулировать свое поведение, решать жизненные задачи, преодолевать трудности.

Дефицит самоконтроля лежит в основе проблем поведения человека, проявляющихся в самых разнообразных сферах: от базовых человеческих функций (например, нарушения питания), до взаимодействия с другими людьми, профессиональной деятельности и экономического поведения (неспособность распределять финансовые ресурсы). Именно поэтому «саморегуляция» становится одним из центральных понятий психологии.

Целью данной статьи является попытка установления характера соотношения контроля поведения и личностной беспомощности. Достижение заданной цели позволит обнаружить соотношение между внутренним содержанием феномена личностной беспомощности и реализации регуляторной функции субъекта.

Практическая значимость исследования состоит в создании теоретической базы для решения прикладных задач профилактики и коррекции личностной беспомощности и развития контроля поведения.

Обзор литературы

Для реализации цели изыскания проведем теоретический анализ основных категорий исследования: «регуляции» и «личностной беспомощности», соотношения личностных и субъектных характеристик.

Понятие регуляции субъекта в психологических исследованиях

Проблема регуляции жизнедеятельности является одной из самых актуальных, самых разработанных, но и самых спорных тем в современной психологии. Саморегуляция выступает необходимым условием взаимодействия организма с окружающей средой. Постоянно изменяющиеся условия среды требуют механизмов, которые позволяли бы анализировать эти условия и корректировать свои действия в соответствии с новыми обстоятельствами.

Существует множество подходов к пониманию механизмов регуляции поведения и деятельности субъекта. Одни авторы акцентируют внимание на отдельных механизмах регуляции поведения, другие же подходят к анализу проблемы более широко, описывая целостную систему саморегуляции, построенную по принципу иерархии.

В рамках одного из подходов регуляция рассматривается как осознанный целенаправленный процесс, ключевую роль в котором играют когнитивные механизмы постановки цели, анализа условий и результатов деятельности. В рамках данного подхода авторами предлагаются различные функциональные структуры, обеспечивающие механизм саморегуляции. Так, системно-функциональная модель саморегуляции разработана О.А. Конопкиным [4]. О.А. Конопкин отмечает, что осознанная регуляция человеком своей произвольной целенаправленной активности выступает особенно актуальной в рамках субъектного подхода, в котором способность человека сознательно организовывать свою активность, обеспечивающую достижение поставленных целей является одной из ключевых характеристик человека [3, 6].

Процесс саморегуляции деятельности, по мнению А.К. Осницкого, представляет собой реализацию комплекса регуляторных умений,

которые формируются в соответствии с основными регуляторными функциями, описанными О.А. Конопкиным [9]. А.К. Осницкий вводит понятие регуляторного опыта, который является элементом более общего субъектного опыта [8]. Благодаря регуляторному опыту человек способен самостоятельно ставить себе задачи и последовательно действовать для их реализации.

Представления о модели осознанной саморегуляции О.А. Конопкина легли в основу концепции индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности В.И. Моросановой [7]. Под стилевыми особенностями саморегуляции она понимает «индивидуальные особенности системы саморегуляции человека, устойчиво проявляющиеся в различных видах произвольной активности, в поведении и практической деятельности» [6, 72]. Такой подход позволил включить в систему саморегуляции элемент личностного своеобразия, отразить взаимосвязь стиля саморегуляции с различными личностными особенностями.

Уникальная человеческая способность осуществлять сложную целенаправленную деятельность и управлять своим поведением является объектом изучения и в зарубежной психологии. В настоящее время в области когнитивной психологии накоплен значительный объем исследований, отражающих процессы управления субъектом собственным поведением (как в норме [21], так и при различных формах патологии [17]). При этом наиболее распространенным понятием в контексте когнитивной регуляции поведения является понятие «executive functions» [18], Специфика исполнительных функций, по сравнению с другими психическими функциями заключается по мнению большинства авторов в том, что это процессы высокого уровня, чья задача состоит в организации других, базовых процессов [19; 22].

Список исполнительных функций, обеспечивающих когнитивную регуляцию поведения у различных авторов варьирует [20; 23]. К наиболее часто упоминаемым можно отнести следующие: постановку целей [19; 18; 27]; планирование [19; 24; 27]; антиципацию [19; 28]; возможность гибкой смены когнитивных установок [19; 21;

24]; торможение и контроль импульсов [19; 18]; поддержание деятельности и подавление влияния интерферирующих воздействий [19; 24; 28]; коррекцию ошибок [19; 28]; распределение ресурсов внимания [19; 21]. Ряд исследователей также относят к исполнительным функциям рабочую память [18; 27].

Таким образом, в когнитивной психологии система регуляции поведения рассматривается как совокупность когнитивных процессов обработки информации, необходимой для организации собственно деятельности, постановки и удержания цели деятельности и корректировки в ее зависимости от внешних условий. Такое понимание процесса саморегуляции поведения имеет на наш взгляд много общего в системно-функциональной модели, предложенной в отечественной психологии О.А. Конопкиным.

В рамках другого, личностного, подхода авторы изучают личностные механизмы регуляции поведения, осуществляемой с опорой на мотивационные образования, ценностные и смысловые конструкты. Мотивационное направление к проблеме саморегуляции человека отразилось во многих психологических концепциях воли, в которых производство новых мотивационных образований рассматривается, как ключевой механизм волевого поведения (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Б.Ф. Зейгарник, Д.Н. Узнадзе, В.А. Иванников и др.). Отражением личностного подхода в психологии регуляции выступают также теории ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (Д.А. Леонтьев, А.О. Прохоров, А.С. Шаров, В.Я. Ядов).

Смысловая регуляция жизнедеятельности представляет собой психологический уровень регуляции, основанный на совокупности смысловых образований и связей между ними [5, 154]. Взаимодействие человека с окружающим миром неминуемо связано с проблемой выбора способов и направлений своей активности в зависимости от поставленных целей, имеющихся условий и отношений, целостного контекста ситуации.

В основе концепции смысловой регуляции психических состояний А.О. Прохорова лежит предположение о том, что ситуации жизнедеятельности и их содержание могут оказывать различное

влияние на субъекта, в том числе на его психическое состояние, в зависимости от смысловой организации сознания [10].

Механизм ценностной регуляции поведения отражен также в диспозиционной концепции В.Я. Ядова [16]. Регуляция поведения человека в различных социальных ситуациях осуществляется по его мнению на основе диспозиционных образований, организованных в определенную иерархию. На низшем уровне этой иерархии поведение регулируют элементарные фиксированные установки, они неосознанны и связаны с удовлетворением витальных потребностей. Высший уровень представлен системой ценностных ориентаций, которые регулируют поведение человека в отношении высших социальных потребностей и определяют отношения человека к жизненным целям и способам их достижения.

Несмотря на многообразие теорий и подходов, посвященных проблеме регуляции поведения, многие из них концентрируются на отдельных аспектах данного процесса. Одной из современных теорий регуляции, в которой сделана попытка интегрировать ресурсы индивидуальности в рамках единого конструкта выступает концепция контроля поведения (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, Ю.В. Ковалева и др.).

Контроль поведения понимается как «психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля [14, 18]. Контроль поведения представляет собой основу, на которой строится регуляторная деятельность человека и предполагает участие как осознаваемых так и не осознаваемых механизмов психической регуляции. По мнению авторов, контроль поведения представляет собой систему, объединяющую три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции [14]. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, в котором отражена

степень интегрированности всех его психических свойств [14]. При этом отмечается, что субъектность человека развивается постепенно на протяжении всей его жизни и может быть представлена как уровни развития субъекта. Опираясь на принцип континуальности развития, Е.А. Сергиенко выделяет несколько уровней становления субъекта: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта развития, субъекта деятельности, субъекта жизни (Сергиенко, 2000, 2002, 2005, 2006) [13, 67–84]. Таким образом, концепция контроля поведения представляется наиболее интегративной. Перейдем к анализу феномена личностной беспомощности.

Феномен личностной беспомощности

В настоящее время в европейской психологии существуют сотни исследований, посвященных непосредственно выученной беспомощности, ее психологическим, физиологическим, медицинским аспектам, фармакологическому лечению, связи с болезнями людей и другие.

В современных психологических исследованиях российских ученых результатом научного интереса к феномену беспомощности явилось множество частных исследований, как самого феномена, так и смежных с ним явлений. Среди направлений изучения беспомощности можно выделить исследование медицинских аспектов беспомощности (А.А. Уянаев, О.Ю. Введенская) и изучение психологии беспомощности у человека (Н.А. Батурин, Е.В. Веденева, И.О. Девятковская, Е.А. Евстафеева, Е.В. Забелина, Ю.К. Мухаметова, С.А. Сальева, Д.А. Циринг, В.В. Шиповская, Ю.В. Яковлева, и др.).

В 1975 году М. Селигман высказал мысль о том, что существуют различия в толерантности к возникновению депрессии и тревоги у различных людей. Для тех, у кого депрессия возникает при малейших неудачах, она представляет собой нечто «большее, чем состояние, это свойство личности». Детальное обращение Д.А. Циринг (2001, 2010) к явлению выученной беспомощности, описываемому М. Селигманом в одноименной теории привело к исследованию

нового феномена в психологии и созданию целостной концепции, посвященной личностной беспомощности. Концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг, являясь другим уровнем осмысления феномена беспомощности в целом, не противоречит традиционным представлениям о выученной беспомощности, а рассматривает ее как возможное проявление личностной беспомощности.

Субъектно-деятельностный подход, являясь теоретико-методологической основой изучения личностной беспомощности, предопределяет содержание этого понятия. Так, личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности.

Таковыми внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями выступают неподконтрольные события, нарушения в системе семейных взаимоотношений, причем последние являются решающими для возникновения личностной беспомощности.

Исследование беспомощности как устойчивого личностного свойства отражено в современных исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Забелиной, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, Е.А. Евстафеевой, И.В. Пономаревой, М.О. Климовой. Данные исследования интерпретируют личностную беспомощность как устойчивую системную характеристику субъекта, изучая её психологическое содержание, структуру, факторы формирования, взаимосвязь с противоположным феноменом – самостоятельностью. В настоящее время личностная беспомощность как устойчивое качество субъекта диагностируется при наличии таких показателей как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Данная совокупность диагностических показателей определена в соответствии с результатами исследования психологии личност-

ной беспомощности и эмпирически подтверждена в исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, И.В. Пономаревой. Здесь личностная беспомощность не сводится к сумме данных показателей, а представляя собой целостную системную характеристику личности, обретает новые качества. В исследованиях вышеназванных авторов доказано влияние личностной беспомощности на успешность учебной, профессиональной деятельности, ее проявление в поведении личности, описано функциональное значение личностной беспомощности, верифицирована ее типология. Всестороннее изучение личностной беспомощности в эмпирическом плане и детальная проработка методологии данного феномена позволили сформулировать основные положения концепции личностной беспомощности, обеспечить методическую базу исследования личностной беспомощности, ее функций и психологических типов.

В связи с тем, что исследовательский интерес представляет понимание механизма опосредования регулятивной функции субъекта (контроля поведения) личностной беспомощностью, рассмотрим соотношение категорий личность и субъект, что позволит установить сопряженность личностных и субъектных характеристик, в том числе взаимосвязи личностных особенностей (личностная беспомощность) и реализации субъектных функций.

Проблема соотношения категорий личность и субъект

В рамках системно-субъектного (Е.А. Сергиенко) подхода субъект понимается как качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, центр согласования всех психических процессов, позволяющий осуществлять жизнедеятельность человека через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. В субъекте как единой метасистеме психика предстает в своем единстве, в субъекте же раскрывается индивидуальность человека. Субъект в контексте системно-субъектного подхода выступает стержнем психической организации [12].

Соотношение понятий личности и субъекта различными авторами понимается по-разному. Так, некоторые авторы используют

понятия «личность», «субъект», «человек» как рядоположенные (С.Л. Рубинштейн, М.Ш. Магомед-Эминов). Б.Г. Ананьев, напротив, отмечает, что личность и субъект отражают разные аспекты психологической реальности даже в тех случаях, когда максимально сближаются их свойства. При этом, субъект отражает совокупность деятельностей человека, в то время как личность – совокупность социальных отношений [Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания, 1996]. А.В. Брушлинский отмечает, что субъект – это всегда личность, но он не сводим к личности. К.А. Абульханова же пишет о том, что не всякая личность может выступать субъектом [1]. Личность становится, по ее мнению, субъектом только на высших этапах своего развития. Понятие личности, таким образом, оказывается шире понятия субъекта, который обозначает вершину ее развития, субъект проявляется как новообразование личности на высших этапах ее развития. Такого акмеологического подхода к пониманию субъекта придерживается большинство отечественных психологов (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков). Существует и другой – эволюционный – подход, который утверждает положение о постепенном развитии человека как субъекта (Л.И. Божович, В.Н. Слободчиков, Е.А. Сергиенко). Становление субъекта происходит с ранних этапов жизни человека, личность при этом может развиваться вместе с субъектом или обнаруживать себя на более поздних этапах его развития [11].

Опираясь на результаты своих многолетних исследований В.И. Моросанова также подчеркивает, что понятия «субъект и личность» описывают разные аспекты мира индивидуальности человека [6]. Взаимодействие этих аспектов формирует своеобразие внутреннего мира человека и его проявление в поведении. При этом субъектные характеристики определяют индивидуальность с точки зрения особенностей саморегуляции субъектной активности на пути достижения целей, а личностные – своеобразие содержания этих целей, направленности личности, а также особенностей их достижения [6].

Соотношение понятий «личность» и «субъект», по мнению Е.А. Сергиенко, предстает следующим образом. Личность являет-

ся носителем содержания внутреннего мира человека, субъект же выступает в роли исполнительного звена, которое реализует это содержание в конкретных жизненных условиях. Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития [13].

Методология исследования

Методологическим принципом, лежащим в основе исследования является принцип детерминизма. Среда обуславливает психические явления опосредованно, преломляясь через личностные свойства субъекта. Преломление внешнего через внутреннее предполагает опосредствование внешних воздействий всей историей развития личности. Чтобы говорить о влиянии внешних факторов, необходимо знать внутренние. Так, состояние беспомощности возникает под воздействием травмирующих событий у людей, имеющих внутренние предпосылки (пессимистический атрибутивный стиль, высокую тревожность, низкую самооценку, внешний локус контроля и т. д., то есть совокупность устойчивых характеристик, которая в настоящем исследовании обозначена как личностная беспомощность), которые, в свою очередь, обусловлены всей историей жизни человека, его опытом взаимодействия с миром. Эти внутренние предпосылки на более раннем этапе формировались во взаимодействии с семьей и наличием или отсутствием опыта травмирующих событий. Принцип детерминизма является приоритетным принципом научного познания и взаимосвязан с принципами развития и системности.

Принцип развития выступает как общенаучный и как психологический научный принцип, согласно которому природу и сущность любых явлений объективной действительности следует изучать в их возникновении и становлении, в их развитии. На положения данного принципа опирается тезис о формировании типов личностной беспомощности как результат развития субъектности человека.

Принцип системности предполагает, что сложные объекты (в психологии – психика) должны изучаться как системы. Система

психических явлений рассматривается как многоуровневая и иерархическая. В психологии говорят о психике как целостной системе и подсистемах в её рамках, являющихся вышележащим уровнем для более простых систем (мотивационная система личности, система ценностей и т. д.). Принцип системности задает контур данного исследования, состоящий в рассмотрении единства субъектных и личностных образований, которыми выступают контроль поведения и личностная беспомощность.

Изучение феноменов личностной беспомощности и контроля поведения построено на системном и субъектном подходах, а также конкретизировано в рамках системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко). Личностная беспомощность здесь как системное качество субъекта задает особую реализацию субъектности, которая проявляется во взаимодействии с миром. Личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности. Личностная беспомощность проявляется в деятельности, обуславливая снижение ее успешности, и в поведении субъекта. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта, по Е.А. Сергиенко, основывается на ресурсах индивидуальности, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, в том числе личностной беспомощностью как системной характеристикой субъекта. Установив представления о соотношении личности и субъекта, перейдем к дискуссии о сопряженности контроля поведения как регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности.

Дискуссия о соотношении контроля поведения как регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности. Понимание контроля поведения (Е.А. Сергиенко и коллеги) опирается на индивидуальные ресурсы человека, интегрированные субъектом

как системообразующим фактором всей системы регуляции. Индивидуальные ресурсы объединяют в себе индивидуальные особенности, лежащие в трех сферах психики. В первую очередь, под ними понимаются особенности интеллектуальных, когнитивных способностей анализировать и упорядочивать внешнюю и внутреннюю среду, создавать ментальные модели ситуаций и событий, ментально оперировать внутренними моделями и представлениями, подготавливать решения, способность к гибкому когнитивному контролю (Е.А. Сергиенко, 2010). Данная подсистема контроля поведения обозначена как когнитивный контроль – контролируя свое поведение, субъект использует свои интеллектуальные ресурсы. Не смотря на то, что эта подсистема чрезвычайно важна для процессов саморегуляции, она не исчерпывает всех регуляционных возможностей субъекта. В частности, обнаруживая высокий интеллектуальный ресурс, человек может столкнуться с проблемами эмоционального и волевого характера, такими как невозможность преодолеть тревогу, непоследовательность целевых действий, которые снижают уровень его достижений и в целом самореализации. Именно поэтому выделены и другие подсистемы контроля поведения – эмоциональный контроль и произвольный (волевой) контроль, которые также опираются на индивидуальные ресурсы субъекта. Эмоциональный контроль основывается на эмоциональной устойчивости, интенсивности эмоций, способности понимать собственные эмоции и различать эмоции других людей (эмоциональный интеллект). Волевой контроль проявляется в способности организовывать собственное поведение для достижения поставленных целей и преодолевать препятствия на пути их достижения. Выраженность индивидуальных ресурсов носит индивидуальный характер, поскольку соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых ресурсов у разных людей различно. В связи с этим предполагается индивидуальное своеобразие контроля поведения и своеобразие предпочитаемых стилей саморегуляции (Е.А. Сергиенко, 2009).

Таким образом, контроль поведения – это единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмо-

циональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции (Е.А. Сергиенко, 2010).

Личностная беспомощность, является совокупностью определенных личностных особенностей, и характеризует, таким образом, личность. Представляя собой характеристику такого способа самоорганизации личности, личностная беспомощность обуславливает низкий уровень субъектности (Д.А. Циринг) [15, 171].

Особенности контроля поведения зависят от уровня субъектности человека, что указывает на сопряженность структур личностной беспомощности и контроля поведения.

В.И. Моросанова, анализируя понятие субъектности, выделяет процессуальный уровень субъектной активности и уровень регуляторно-личностных или субъектных качеств. Процессуальный уровень субъектной активности проявляется в механизмах осознанной саморегуляции деятельности. А уровень регуляторно-личностных качеств характеризует именно степень и своеобразие субъектной активности. Понимание личностной беспомощности согласуется с представлениями о данном уровне субъектных характеристик. В данном исследовании мы понимаем личностную беспомощность как системное качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности [15]. Личностная беспомощность оказывает влияние на деятельность субъекта, снижая ее успешность. Личностная беспомощность предстает, таким образом, в качестве «внутренних условий» субъекта, которые, взаимодействуя с внешними условиями – обстоятельствами жизнедеятельности человека, проявляются в его деятельности и поведении.

Личностная беспомощность представляет собой определенное системное личностное качество, сопряженное с низким уровнем

субъектности (Д.А. Циринг). Как уже говорилось ранее, личность в рамках системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко) понимается как некое командное, направляющее звено в системе «личность – субъект». Исходя из этого положения, мы предполагаем, что личностная беспомощность связана с уровнем развития конструкта контроля поведения и его индивидуальными характеристиками. Личностная беспомощность, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, связана с особенностями индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта. В этой связи возникает ряд исследовательских задач, направленных на изучение контроля поведения у субъектов с личностной беспомощностью, его взаимосвязи с личностными особенностями, определяющими различные уровни субъектности, изучение индивидуального своеобразия системы контроля поведения у субъектов с различными личностными особенностями.

Заключение

1. Проведенный анализ наиболее значимых теорий регуляции, а также беспомощности позволил обнаружить теоретические предпосылки, указывающие на соотношение регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности как структур субъекта и личности, которые находятся в тесном единстве и взаимодействии, но в тоже время дифференцированы.
2. Согласно представлению о соотношении категорий личность и субъект, личностная беспомощность задает особую реализацию субъектности, мерой которой выступает степень активности и саморегуляции.
3. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, его активностью. Также контроль поведения как регулятивная функция субъекта основывается на ресурсах индивидуальности, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

4. Контроль поведения, основываясь на ресурсах индивидуальности и их интегративности, у субъекта с личностной беспомощностью, будет обуславливаться также и последней. Учитывая психологическую природу личностной беспомощности, эффективность контроля поведения такого субъекта может быть снижена, реализация психических ресурсов для решения жизненных задач будет затруднена.

Таким образом, проведенный аналитический обзор современных теорий указывает на факт согласованности структурных образований: контроль поведения и личностная беспомощность. Однако необходима верификация полученных теоретических данных. Перспективная задача эмпирического исследования состоит в установлении качества согласованности указанных структур и результата их взаимодействия, в качестве которого выступает реализация регулятивной функции субъекта.

Информация о конфликте интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект №17-36-01097 «Особенности регулятивной функции субъекта с различным типом личностной беспомощности (на примере подросткового возраста)»).

Список литературы

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М. 1997. С. 56–75.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.:Издательство «Институт практической психологии». 1996. 384 с.
3. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
4. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. С. 154.
6. Моросанова В. И., Аронова Е. А. Самосознание и саморегуляция человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 213 с.
7. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. 1995. Т.16. №4. С. 26–36.
8. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 // Психологические исследования: электронный научный журнал, 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
9. Осницкий А.К. Умения саморегуляции в профессиональном самоопределении учащихся // Вопросы психологии. 1992. № 1–2. С. 52–59.
10. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
11. Сергиенко А.Е. Проблема соотношения понятия субъекта и личности // Психологический журнал. Т.34. №2. 2013. С. 5–16.
12. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал . 2011 . Т. 32. № 1 . С. 120–132.
13. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения / Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 67–83.
14. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010. 352 с.
15. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.
16. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
17. Duncan J., Burgess P., Emslie H. Fluid Intelligence After Frontal Lobe Damage // *Neuropsychologia*. 1995. Vol. 33. N 3, pp. 261–268.
18. Fuster J.M. Physiology of executive function: the perception-action cycle // *Principles of Frontal Lobe Function* / Ed. by D.T.Stuss, R.T.Knight. N.Y.: Oxford University Press. 2002, pp. 96–109.

19. Lezak M.D. Neuropsychological Assessment. N.Y.: Oxford University Press. 1995. 1016 p.
20. Logan G.D. Executive control of thought and action // *Acta Psychologica*. 1985. vol. 60. N 2–3, pp. 193–210.
21. Loring D.W. (Ed.) Dictionary of Neuropsychology. N.Y.: Oxford University Press. 1999. 193 p.
22. Norman D.A., Shallice T. Attention to action: Willed and automatic control of behavior // *Cognitive neuroscience: a reader* / By M.S. Gazzaniga. Oxford: Blackwell. 2000, pp. 376–392.
23. Posner M., Snyder C. Attention and cognitive control // *Information processing and cognition: the Loyola symposium* / Ed. by R.L. Solso. Hillsdale N.J: Erlbaum. 1975, pp. 55–85.
24. Rabbitt P. Methodology of Frontal and Executive Function. Hove, UK: Psychology Press. 1997. 264 p.
25. Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development and death. San Francisco: W.H. Freeman. 1975.
26. Seligman M.E.P. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. New York: Knopf. 1991.
27. Shallice T. Burgess P. The domain of supervisory processes and the temporal organisation of behavior // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1996. N 351, pp. 1405–1412.
28. Stuss D.T., Benson D.F. The Frontal Lobes. N.Y.: Raven Press. 1986. 303 p.
29. Tsiring D., Ponomareva I. Characteristics of Teenager-to-Parent Relationships and Their Inputs into the Formation of Juvenile Personality Helplessness. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. 214, pp. 852–857.

References

1. Abul'hanova K.A. Mirovozzrencheskij smysl i nauchnoe znachenie kategorii subekta [Philosophical significance and scientific value of the category of the subject]. *Rossijskij mentalitet: voprosy psichologicheskoy teorii i praktiki* [In Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. Moscow, 1997, pp. 56–75.

2. Anan'ev B.G. *Psihologiya i problemy chelovekoznaniya* [Psychology and the problems of anthropology] / Ed. A.A. Bodalev. Moscow.: Institute of practical psychology, 1996. 384 p.
3. Konopkin O.A. Psihicheskaya samoregulyaciya proizvol'noj aktivnosti cheloveka [Psychological mechanisms of regulation of activity]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 1995. vol. 1, pp. 5–12.
4. Konopkin O.A. *Psihologicheskie mekhanizmy regulyacii deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow: Science, 1980. 256 p.
5. Leont'ev D.A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of sense: nature, structure and dynamics of semantic reality] Moscow: Significance, 2003. P. 154.
6. Morosanova V.I., Aronova E.A. *Samosoznanie i samoregulyaciya cheloveka* [Self-awareness and self-regulation of human]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2007. 213 p.
7. Morosanova V.I. Individual'nyj stil' samoregulyacii v proizvol'noj aktivnosti cheloveka [Individual style of self-regulation in voluntary activity]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 1995. vol. 16(4), pp. 26–36.
8. Osnickij A.K. Regulyatornyj opyt, sub'ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka. CHast' 1 [Regulatory experience, subjective activity and man's independence. Part 1]. *Psychological research*. 2009. vol. 5(7). <http://psystudy.ru> (accessed December 24, 2017).
9. Osnickij A.K. Umeniya samoregulyacii v professional'nom samoopredeleonii uchashchihsya [Skills of self-regulation in professional self-determination of students]. *Questions of Psychology*. 1992. vol. 1–2, pp. 52–59.
10. Prohorov A. O. *Smyslovaya regulyaciya psihicheskikh sostoyanij* [Semantic regulation of mental states]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2009. 352 p.
11. Sergienko A.E. Problema sootnosheniya ponyatiya subekta i lichnosti [The problem of correlation of the notions of subject and identity]. *Psychological Journal*. vol. 34. no. 2. 2013, pp. 5–16.
12. Sergienko E.A. Sistemno-subektnyj podhod: obosnovanie i perspektiva [System-subject approach: rationale and perspective]. *Psychological Journal*. 2011. vol. 32. no. 1, pp. 120–132.

13. Sergienko E.A. Subektnaya regulyaciya sovladayushchego povedeniya [The subject regulation of coping behavior]. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [In Coping behavior: a modern condition and prospects]. Moscow: Institute of psychology RAS. 2008, pp. 67–83.
14. Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva YU.V. *Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyaciya* [Control of behavior as subjective regulation]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2010. 352 p.
15. Ciring D.A. *Psihologiya lichnostnoj bespomoshchnosti: issledovanie urovnej sub'ektnosti* [The psychology of personal helplessness]. Moscow: Academia, 2010. 410 p.
16. Yadov V.A. Social'naya identifikaciya v krizisnom obshchestve [Social identification in a crisis society]. *Sociological Journal*. 1994. vol. 1, pp. 35–52.
17. Duncan J., Burgess P., Emslie H. Fluid Intelligence After Frontal Lobe Damage. *Neuropsychologia*. 1995. vol. 33. no. 3, pp. 261–268.
18. Fuster J.M. Physiology of executive function: the perception-action cycle. *Principles of Frontal Lobe Function* / ed. by D.T.Stuss, R.T.Knight. N.Y.: Oxford University Press. 2002, pp. 96–109.
19. Lezak M.D. *Neuropsychological Assessment*. N.Y.: Oxford University Press. 1995. 1016 p.
20. Logan G.D. Executive control of thought and action. *Acta Psychologica*. 1985. vol. 60. no. 2–3, pp. 193–210.
21. Loring D.W. (Ed.) *Dictionary of Neuropsychology*. N.Y.: Oxford University Press. 1999. 193 p.
22. Norman D.A., Shallice T. Attention to action: Willed and automatic control of behavior. *Cognitive neuroscience: a reader* / by M.S.Gazzaniga. Oxford: Blackwell. 2000, pp. 376–392.
23. Posner M., Snyder C. Attention and cognitive control. *Information processing and cognition: the Loyola symposium* / ed. by R.L.Solso. Hillsdale, N.J: Erlbaum. 1975, pp. 55–85.
24. Rabbitt P. *Methodology of Frontal and Executive Function*. Hove, UK: Psychology Press. 1997. 264 p.
25. Seligman, M. E. P. *Helplessness: on depression, development and death*. San Francisco: W. H. Freeman. 1975.

26. Seligman M.E.P. *Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life*. New York: Knopf. 1991.
27. Shallice T., Burgess P. The domain of supervisory processes and the temporal organisation of behavior. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1996. vol. 351, pp. 1405–1412.
28. Stuss D.T., Benson D.F. *The Frontal Lobes*. N.Y.: Raven Press. 1986. 303 p.
29. Tsiring D., Ponomareva I. Characteristics of Teenager-to-Parent Relationships and Their Inputs into the Formation of Juvenile Personality Helplessness. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. 214, pp. 852–857.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Пonomareva Ирина Владимировна, доцент, кандидат психологических наук

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Российская Федерация

ivp-csu@yandex.ru

Климова Марина Олеговна, старший преподаватель

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Россия

klimova.marina@list.ru

Сизова Яна Николаевна, преподаватель кафедры психологии

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Российская Федерация

sizova159@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ponomareva Irina Vladimirovna, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Chelyabinsk State University
129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian
Federation
ivp-csu@yandex.ru
SPIN-code: 8645-9023
ORCID: 0000-0001-8600-3533
ResearcherID: E-8773-2017

Klimova Marina Olegovna, Senior Lecturer

Chelyabinsk State University
129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian
Federation
klimova.marina@list.ru
SPIN-code: 8906-9269
ORCID: 0000-0002-4199-4676
ResearcherID: B-5386-2018

Sizova Yana Nikolaevna, Lecturer at the Department of Psychology

Chelyabinsk State University
129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian
Federation
sizova159@yandex.ru
SPIN-code: 2960-1491
ResearcherID: B-4702-2018
ORCID: 0000-0001-9000-7238